

Роберт Стивенсон

Билль с мельницы

Роберт Льюис Стивенсон

Билль с мельницы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130388

Аннотация

«Мельница, на которой жил Билль со своими приемными родителями, стояла в горной долине, среди соснового бора и высоких гор. Горы эти громоздились все выше и выше, один холм над другим, поросшие густым лесом, до тех пор, пока не взгромоздились выше самых смелых сосен не остались голыми и серыми, резко вырисовываясь на фоне неба своими причудливыми контурами...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	24
Глава III	48

Роберт Стивенсон

Билль с мельницы

* * *

Глава I

Равнина и звезды

Мельница, на которой жил Билль со своими приемными родителями, стояла в горной долине, среди соснового бора и высоких гор. Горы эти громоздились все выше и выше, один холм над другим, поросшие густым лесом, до тех пор, пока не взгромоздились выше самых смелых сосен не остались голыми и серыми, резко вырисовываясь на фоне неба своими причудливыми контурами.

Несколько выше мельницы, по горе раскинулась точно серый лоскут или клочок тучи, повисший на лесном склоне горы, маленькая деревушка; оттуда при благоприятном ветре доносился к Вилли мелодичный, серебристый звон колокола деревенской церкви. От мельницы долина спускалась все круче и круче вниз, и в то же время она значительно расширялась в обе стороны. С небольшого пригорка за мельницей открывался вид не только на всю долину, но и гораздо дальше, на громадную равнину, по которой, извиваясь и сверкая, протекала широкая светлая река, весело спеша от одного большого города к другому на своем пути к морю. Случаю было угодно, чтобы через эту горную долину пролегал путь в соседнее государство; здесь был горный проход, так называемый «насс», и хотя местность эта казалась тихой и уединен-

ной, затерянной в глуши, пролежавшая внизу дорога служила большим проезжим трактом между двумя богатыми и густонаселенными странами, и все лето мимо мельницы медленно вползали в гору или быстро катились вниз, под гору, исчезая в облаках пыли, громоздкие дорожные берлины и тяжелые фуры с разным грузом и товарами. Но так как подъем в гору с другой стороны был менее крут, то этой дорогой в гору ехали не так охотно; ею пользовались главным образом едущие под гору, по направлению к равнине. Таким образом, большинство экипажей ехало в одном направлении, из общего числа их, проезжавших мимо мельницы, пять-шесть быстро катилось вниз, и всего только один туго и с трудом тащился вверх. То же самое можно было наблюдать и по отношению к пешеходам. Все легкие на ногу туристы, все торгующие в разнос всевозможными товарами, тяжело нагруженные своей ношей торговцы спускались мимо Билля вниз, как река, сопровождавшая их на всем их пути. Впрочем, это еще не все. Когда Билль был еще ребенком, страшная губительная война разгорелась и охватила многие страны, словно большой пожар; все газеты были переполнены отчетами о победах и поражениях; земля дрожала от топота кавалерии, и часто целыми днями и неделями, на протяжении десятков миль в окружности, шум сражений нагонял страх и ужас на мирных поселян, работавших на своих полях; и поля часто оставались неподнятыми, необработанными и необранными. Впрочем, обо всем этом долго ничего не было слыш-

но здесь, в этой горной долине. Но вот однажды одному из главнокомандующих вздумалось провести свою армию форсированным маршем через этот горный проход, и в продолжение трех суток конница и пехота, пушки и фуры, барабаны и знамена, точно лавина, катились вниз мимо мельницы. И весь день, с раннего утра и до темной ночи, ребенок стоял и смотрел на этот живой поток людей, лошадей, орудий и обозов и жадным слухом ловил мерный звук шагов проходивших мимо отрядов и дружный топот конских копыт, и лязг оружия и всматривался в эти бледные небритые лица, загорелые, с обведенными темными кругами, впалыми глазами, всматривался в эти полинялые мундиры, выцветшие и оборванные, лоскутами висевшие значки и знамена, – и все это наполняло его душу жалостью, безотчетной тоской и удивлением. И всю ночь напролет Билль лежал в своей постельке, и ему все слышался грохот пушек, и мерный топот бесчисленных ног, и скрип бесконечной вереницы обозов, неудержимо двигавшихся все вперед и вперед, вниз под гору, мимо мельницы. Никто в долине не слышал потом о судьбе этой армии или об исходе этого похода. Этот горный проход и долина лежали совсем в стороне от всяких толков и слухов в ту тревожную пору, и вести почти не доходили сюда.

Но одно Билль знал наверное, – это то, что ни один человек не вернулся назад. Куда же они делись все? Куда деваются и быстроногие туристы, и торговцы-разносчики со всеми их товарами? Куда скрываются и пропадают все эти за-

пыленные экипажи со слугами, сидящими на запятках, или тяжелые дорожные берлины, нагруженные сундуками и баулами? Куда, наконец, девается неустанно бегущая сверху вода в реке? Все уходит вниз, а сверху все бежит новая, все бежит и затем опять уходит под гору. Даже и ветер все больше дует с гор вдоль по долине вниз, а в листопад уносит за собой целые тучи всякого мертвого листа и гонит и его вниз по долине. Казалось, будто все на этом свете сговорилось: и люди, и предметы неодушевленные, все они стремились вниз, весело и неудержимо, только он один отставал от всех, он один оставался на месте, как придорожный столб. Его радовало, когда он замечал, что рыбы плывут вверх по течению реки; хоть они-то остаются ему верны, тогда как все остальное мчалось вниз в какой-то неведомый ему мир.

Однажды вечером он спросил мельника, куда течет река?

– Она течет вниз по долине, – ответил тот, – и по пути она вращает уйму мельниц; говорят, целых сто двадцать мельниц отсюда до Унтердэка, и при этом ничуть не устает, сердешная! Дальше она течет по равнине и орошает поля наших плодороднейших местностей, житницы нашей страны, и бежит через целый ряд красивых, больших городов, в которых, как говорят, живут короли, одни, в громадных дворцах, и стража расхаживает взад и вперед у их ворот и дверей, и высокие каменные мосты перекинута через реку, а на мостах стоят каменные статуи и, странно и загадочно улыбаясь, смотрят в воду, а живые люди стоят тут же рядом и, облоко-

тясь на каменные перила, тоже глядят на реку и на все, что за ней. А река все бежит дальше и дальше, по низинам, болотам и пескам, пока наконец не впадает в море, по которому ходят громадные корабли, что привозят к нам из далекой Индии попугаев и табак... Эх, далека еще ее дорога после того, как она, матушка, шума и напевая, минует нашу запруду, благовослови ее Господи!.. – закончил мельник.

– А что такое море? Расскажи мне! – стал просить Билль.

– Море! – воскликнул мельник. – Прости, Господи, и помилуй нас, грешных! Море – это величайшее творение Божье; в море стекаются все реки и все воды со всего света, и походит оно на большущее соленое зеленое озеро, которому нет ни конца, ни края, и лежит оно плоское и ровное, как моя ладонь, и на вид такое спокойное и безгрешное, как спящий младенец. Но говорят, что как только подует ветер, оно сразу заволнуется, разбушуется и начнет вздыматься высоко-высоко, как горы, и вырастают на нем водяные горы выше наших гор, и глотают они корабли больше всей нашей мельницы и так шумят и ревут, что слышно за несколько миль. И живут в этом море громадные рыбы – в пять раз больше быка, и еще одна старая, огромная змея, длиннее всей нашей реки, – и стара она, как мир, и усатая, как человек, а на голове у нее серебряный венец.

Билль никогда еще не слышал ничего подобного, и все это казалось ему так заманчиво, что он все продолжал расспрашивать, предлагая один вопрос за другим относительно то-

го чудесного мира, который лежал там, далеко, вниз по течению реки, со всеми его страхами и опасностями и всеми его чудесами и диковинами, так что в конце концов и сам старый мельник всем этим заинтересовался и, взяв мальчика за ручку, повел его за собой на вершину того холма или пригорка за мельницей, откуда открывался вид на всю долину и далеко расстилавшуюся за ней громадную равнину. Солнце близились к закату и стояло низко на прозрачном безоблачном небе. Все кругом светилось и сияло в золотых лучах заката. Билль еще никогда в своей жизни не видал столь обширного пространства перед своими глазами, такой громадный кругозор открывался ему впервые. Он стоял и смотрел во все глаза, как зачарованный. Он видел вдаль и города, и леса, и поля, и сверкающие изгибы светлой реки, и необъятную даль, где на краю горизонта равнина сливалась с небесным сводом, резко ограниченная темной линией от ясного свода неба. Сильное волнение охватило при этом ребенка, он тяжело дышал; сердце его усиленно билось, как у пойманной птички; все сливалось у него перед глазами, солнце, казалось, кружится быстро-быстро, как светящееся лучистое колесо, выкидывая при вращении странные, причудливые фигуры, мгновенно сменявшиеся и исчезающие, как в калейдоскопе. Билль закрыл лицо обеими руками и разразился целым потоком слез и судорожных рыданий, а бедный мельник, озадаченный, огорченный и несколько разочарованный, не зная, что ему делать, не нашел ничего лучшего, как взять

мальчика на руки и молча отнести его домой.

С этого дня Билль преисполнился новых надежд и желаний. Что-то постоянно сосало его сердце, что-то тянуло его непрестанно куда-то в неизвестное пространство; когда он мечтал, следя за бегущей рекой, ее струи уносили с собой его мысли и думы, его мечты и желания куда-то далеко-далеко; ветер, проносясь над бесчисленными верхушками сосен, нашептывал ему ободряющие слова; склоненные ветви деревьев сочувственно кивали ему, а большая проезжая дорога, круто загибавшая за угол и, извиваясь, спускавшаяся все круче и круче вниз, быстро исчезая из глаз, возбуждала его вожделения и как будто манила его вдаль. Он подолгу оставался на пригорке, наблюдая за падением реки, глядя по целым часам на ее капризные извилины, на тучные пастбища и поля на равнине, следя за тучками и облаками, несущимися по ветру в небесном эфире и влачившими свою легкую розоватую тень по земле. Или же он оставался стоять у проезжей дороги и провожал глазами экипажи, катившиеся вниз по берегу реки. Все равно, что бы то ни было, все, что проносилось мимо, будь то облака или тяжелый берлин, птица или темные струйки воды в реке, сердце его рвалось им вслед, летело за ними в каком-то страстном экстазе.

Ученые утверждают, что все мирские подвиги, громкие, славные открытия и завоевания на море, все переселения народов, нашествия и набеги племен и народов, которыми пестрит вся древняя история, вызваны были ничем иным,

как простым законом спроса и предложения, в связи с естественным, врожденным, можно сказать, инстинктом, или вернее, склонностью к легкой наживе. Но каждому, кто захочет поглубже вдуматься в смысл этих слов, подобное объяснение покажется жалким и несостоятельным. Племена и народы, надвигавшиеся тучами с севера и востока, отчасти были вытесняемы вперед другими племенами и народами, теснившими их сзади, и отчасти были привлекаемы и магнетическим влиянием юга и запада. Слава о богатствах и роскоши других стран дошла до них, имя Вечного Города, как музыка, звучала у них в ушах; это были не колонисты, а паломники: они шли за золотом, вином и солнцем, – но в сердцах их жили высшие идеалы, лучшие стремления. Ими двигало то вечное божественное стремление, вложенное в сердца людей самим Богом, – то благородное стремление, испокон веков присущее человеку, и которому мир обязан всеми величайшими подвигами, как и всеми величайшими заблуждениями, которое дало крылья Икару и вместе с ним взлетело в небо, которое погнало благородного Колумба в пустынный Атлантический океан; оно же вдохновляло и поддерживало и этих варваров в их трудных и долгих походах. Существует прекрасная легенда, превосходно иллюстрирующая дух этих кочевников-завоевателей. Однажды отряд таких кочевников встретил на своем пути старца, обутого в железные сандалии; этот старец спросил их, куда они держат путь, и они все ответили ему в один голос: «В Вечный Город!» Он взглянул

на них строго и сказал: «И я искал его, всю жизнь искал, искал по всему свету! Три пары таких сандалий я износил, как вот эти, что вы видите у меня на ногах, – и эта четвертая пара тоже начинает пронашиваться, а я все еще не нашел Вечного города». И старец повернулся и пошел один своей дорогой, оставив их изумленными. Но даже и эта аллегория страстного стремления вперед, к неизвестному, едва ли могла бы сравниться с чувствами Билля по отношению к равнине. Если бы он только мог уйти туда, далеко-далеко! Ему казалось, что зрение его станет чище и проницательнее, что слух его сделается чутче и само дыхание превратится в наслаждение, которое преисполнит радостью и весельем его душу. Здесь он чувствовал себя пересаженным на чужую почву; он увядал и чах, он был здесь на чужбине и его тянуло на родину, – на далекую прекрасную родину. Мало-помалу он нахватался отовсюду обрывочных сведений о внешнем мире: о реке, вечно бегущей вперед и вечно пробивающейся, пока не вольется в величественный океан, о городах, населенных веселыми богато одетыми людьми, проворно снующими взад и вперед среди бьющих фонтанов и мраморных дворцов, о хорах музыкантов и певцов, об улицах, освещавшихся ночью бесчисленными искусственными золотыми звездами; об огромных соборах, университетах, где пребывали ученые, о храбрых армиях и бесчисленном количестве денег, хранящихся в темных подвалах и подземельях, под тяжелыми каменными сводами, о страшных пороках, выставляемых на-

показ при свете солнца, и об ужасных преступлениях, таящихся в ночной тьме, о ночных убийствах и злодеяниях. Как я сказал, его тянуло в этот неведомый, сказочный для него мир, как на родину. Он был словно существо, находящееся в состоянии предбытия, в бесформенном туманном хаосе чудесных смутных образов и представлений, любовно простирающее свои руки с вожделением к многоцветной, многогранной и многозвучной жизни. Не удивительно, что он был несчастлив, и не раз он мысленно обращался к рыбам с такой речью: «Вы созданы для вашей жизни и не желаете ничего, кроме червяков и текучей воды, да уютного убежища среди камней или песчаных скатов этих берегов, но я, я имею в жизни иное назначение! Моя душа полна ненавистных желаний и мечтаний, и я грызу себе пальцы и пожираю глазами все, что могу; но весь этот многообразный мир не в состоянии удовлетворить моих вожделений! Настоящая жизнь, настоящий солнечный свет там, далеко внизу, – на равнине! Как бы я желал хоть раз увидеть тот солнечный свет во всем его величии и великолепии, прежде чем умереть! Хоть раз с ликующей душой побродить по этой блаженной золотой стране! Услышать стройное пение и малиновый звон колоколов, и погулять по тем роскошным садам. Ах, рыбы, рыбы! – восклицал он, – если бы вы только повернулись вниз по течению, вам было бы так просто и легко доплыть до сказочных морей и увидеть там громадные корабли, проплывающие над вами точно облака, и услышать вой и рев огром-

ных водяных гор, колышущихся и шумящих над вами целые дни!» Но рыбы продолжали плыть в раз избранном ими направлении, и в конце концов Билль не знал, плакать ли ему или смеяться, глядя на них.

До сего времени Билль смотрел на движение большой дороги, как смотрят на предметы, изображенные на картинке; иногда еще случалось обменяться поклонами с кем-нибудь из туристов или увидеть в окне кареты какого-нибудь пожилого господина в дорожной фуражке, но вообще все это было в его глазах не более как символ общего движения, общего стремления вдаль, на которое он смотрел как бы издали, с особого рода суеверным чувством. Но вот настало время, когда все это изменилось: старый мельник был по натуре своей человек, до известной степени, жадный и никогда не упускал случая нажиться честным путем, и потому он надумал превратить свой дом, стоявший у самой дороги, в маленькую придорожную гостиницу с заезжим двором. Счастливо заработав на этом малую толику деньжонок, он построил конюшни и выхлопотал себе право на содержание почтовой станции на своем участке почтового тракта.

Теперь Билль должен был прислуживать заезжим, останавливавшимся в гостинице и желавшим закусить в беседке в конце сада, прилегающего к мельнице. Прислуживая проезжим, Билль всегда слушал во все уши и смотрел во все глаза, и потому многому научился и много узнал нового о внешнем мире, подавая гостям вино или яичницу. Не довольству-

ясь этим, он нередко вступал в разговоры с одинокими путешественниками, и благодаря его вежливой внимательности и осторожным, разумным вопросам, ему удавалось не только удовлетворить свою любознательность, но и приобрести в то же время симпатии и благорасположение тех лиц, которым ему случалось прислуживать. Многие поздравляли стариков, хозяев гостиницы, с таким прекрасным слугой, а один старик – профессор, хотел даже увезти с собой мальчика, чтобы дать ему солидное образование там, в большом столичном городе. Мельник и его жена были очень удивлены этим, и еще более польщены, чем удивлены; теперь они были вполне убеждены, что прекрасно поступили, открыв гостиницу.

– Вот видишь, – говорил старик жене, – у Вилли особый дар привлекать к себе людей – никто не умеет так услужить и так угодить гостю, как он! Он, как нарочно, создан, чтобы стать хозяином гостиницы, и мы никогда не могли бы сделать из него ничего лучшего!

Так жизнь шла своим чередом в маленькой горной долине, к общему удовольствию и удовлетворению всех ее обитателей, кроме одного только Билля. Каждый отъезжающий от гостиницы экипаж, казалось, увозил с собой частицу его души; и когда кто-нибудь из путешественников шутя предлагал ему местечко в своем экипаже, мальчику стоило невероятного труда подавить охватывавшее его всякий раз в таких случаях волнение. Но добродушные старики, его приемные

родители, да и сам шутник, даже не подозревали его горя. Каждую ночь ему снилось, что смущенные слуги будят его, что у дверей его ждет роскошный экипаж, готовый увезти его далеко-далеко, на равнину. И каждую ночь видит он этот сон, и то, что поначалу было для него чистой радостью, стало мало-помалу принимать почти зловещий характер. Этот ночной призыв и ожидающий у дверей экипаж стали занимать в его воображении столь серьезное место, что он затруднялся сказать, следует ли ему радоваться этому видению или же опасаться его.

Однажды, это было, когда Биллю исполнилось уже шестнадцать лет, в их гостиницу перед закатом солнца прибыл молодой толстяк, пожелавший здесь переночевать, а завтра ехать дальше. Он выглядел жизнерадостным человеком, с веселым приветливым взглядом и добродушной улыбкой; в руках у него была дорожная сумка и книга. Пока ему готовили обед, он прошел в беседку и расположился читать, но стал наблюдать за Вилли и настолько отвлёкся от своего чтения, что даже отложил книгу в сторону. Как видно, он принадлежал к числу тех людей, которые предпочитают живую человеческую речь самым разумнейшим печатным рассуждениям, и общество живых людей обществу людей, созданных при содействии чернил и бумаги. Билль, со своей стороны, хотя и не особенно заинтересовался с первого взгляда этим приехавшим, вскоре стал находить серьезное удовольствие в беседе с ним; разговор его отличался и большим

добродушием, и большим здравомыслием, и в конце концов Билль проникся громадным уважением как к самой личности своего собеседника, так и его широкому уму и образованности. Беседа их затянулась до поздней ночи, можно сказать, даже до утра. Около двух часов после полуночи Билль открыл молодому толстяку свою душу, он рассказал ему все, что у него было на сердце и на уме: как он стремился вырваться из этой тесной горной долины, какие блестящие мечты и надежды у него связаны с многолюдными городами там, на равнине. Какая жажда видеть все, чего он никогда не видел, мучает и томит его уже много лет.

Выслушав его, молодой человек тихонько свистнул, и затем лицо его расплылось в приятной улыбке.

– Вот что я вам скажу, мой юный друг, – заметил он, – вы, несомненно, очень любопытный маленький субъект, чтобы не сказать обидного слова, «чудак»; вы желаете многого такого, чего вы никогда не получите. Право, вы сами почувствовали бы себя пристыженным, если бы знали, как юноши в тех сказочных городах, о которых вы мечтаете, все без исключения помешаны на таких же безрассудных мечтах, и изнывают в тоске по этим горам, куда они стремятся так же страстно, как вы вниз на равнину. А затем, позвольте мне сказать вам, милый друг, что все те, кто покидал эти горы и переселялся на равнину, прожив там недолгое время, начинают грустить по этим горам и вновь всей душой рвутся сюда. Там, внизу, и воздух не так чист и не так легкий, как

здесь, и солнце светит там не ярче, чем здесь, а что касается веселых, бодрых и нарядных людей, щеголеватых и довольных своей судьбой, то их там вовсе не так много. Но зато много там увидите людей в рубище и лохмотьях, обезображенных отвратительными пороками и страшным, гнусным развратом. Большой город – это такое место, где беднякам ужасно тяжело живется; так что небогатые люди с чуткой душой и чувствительным сердцем часто накладывают на себя руки.

– Вероятно, вы считаете меня очень наивным и простодушным, – возразил Билль, – но хотя я еще ни разу не покидал этой долины, я многое успел уже узнать и увидеть. Я знаю, что почти все в природе живет одно за счет другого; что рыба прячется в тине, чтобы подстеречь другую более мелкую рыбешку, с тем, чтобы пожрать ее; я знаю, что пастух, несущий на своих плечах ягненка и представляющий собой такую умильную картину, в действительности несет его домой, чтобы зарезать его себе на ужин. Я знаю, что такова жизнь. Поверьте, я отнюдь не ожидал найти там, в больших городах, одно прекрасное, о нет! Но это не смущает меня. Было время, когда я действительно думал так, но это время давно прошло! Несмотря на то, что я всю жизнь безотлучно прожил здесь, я очень многих расспрашивал обо всем, что меня интересовало, и узнал многое за эти последние годы. Во всяком случае, я узнал достаточно, чтобы навсегда излечиться от моих былых фантазий и иллюзий. Пусть так!

Но неужели вы желали бы, чтобы я умер здесь, как собака на цепи у своей будки? Умер, не выдав ничего из того, что может испытать и увидеть здесь, на земле, человек! Умереть, не изведав ни добра, ни зла на этом свете!.. Неужели вы могли бы пожелать мне прожить всю жизнь вот здесь, между проезжей дорогой и речкой, не сделав ни шагу в сторону от нашей мельницы, не сделав ни малейшей попытки вырваться отсюда и прожить пестро и разнообразно свою жизнь?! Нет, в таком случае лучше уж сразу умереть, чем продолжать влачить такое существование улитки!

– А между тем тысячи людей живут и умирают в таких условиях, – сказал молодой путешественник, – и считают себя вполне счастливыми.

– Ах! – воскликнул Билль. – Если их тысячи, то почему же ни один из них не займет моего места?!..

Тем временем уже совсем стемнело; в беседке горела вишечая лампа, освещавшая круглый стол, накрытый белой скатертью, и лица обоих собеседников, а над входом беседки, обвитой хмелем, его зубчатые листья на трельяже, ярко освещенные светом лампы, резко выделялись на темном фоне ночного неба. Молодой путешественник встал и, взяв Вилли под руку, вывел за собой из беседки под открытое небо.

– Скажите, смотрели вы когда-нибудь на звезды? – спросил он юношу.

– Да, часто, даже очень часто! – воскликнул Билль.

– А знаете вы, что такое собственно эти звезды? – продолжал допрашивать молодой человек.

– У меня на этот счет являлись различные предположения, но сказать что-нибудь с полной уверенностью я не смею.

– Ну, так я скажу вам. Звезды – это миры, такие же, как и наша земля; одни из них меньше нашей земли, другие, и даже большинство из них, в миллион раз больше земли; а многие мельчайшие звездочки, представляющиеся вашему невооруженному глазу едва заметными искорками, не только миры, но целые сотни миров, вращающихся один вокруг другого в беспредельном пространстве. Мы не знаем, что там происходит, в этих бесчисленных мирах; быть может, там кроется разрешение всех наших мучительных вопросов, быть может, там мы нашли бы исцеление от всех наших зол и страданий, но нам не суждено никогда добраться до них! Весь разум и все искусство наших гениальнейших инженеров-строителей не в состоянии создать такое судно или такой снаряд, который мог бы доставить нас хотя бы на ближайший к нам из этих соседних миров; а если бы даже можно было создать подобный снаряд, то целой жизни самого долголетнего из людей не хватило бы на подобное путешествие... Что бы ни случилось у нас на земле, какие бы политические перевороты ни изменяли лица земли, какие бы страшные сражения ни повергали в ужас и уныние народы, каких бы великих людей или незаменимых друзей мы ни потеряли, звезды по-прежнему безучастно и равнодушно продолжают светить

над нами. И если бы люди собрались здесь громадной толпой в несколько сотен тысяч и стали все хором кричать что есть силы, кричать до полной хрипоты, ни один звук не долетел бы до них. И если мы взберемся на высочайшую из гор земли, мы не приблизимся к ним ни на йоту... А потому нам остается только смиренно и разумно покориться своей участи и, стоя здесь в саду, обнажить перед ними наши головы, чтобы ласковый звездный свет упал на них, и так как моя уже начала лысеть, то вы, вероятно, увидите, что она немного засветится в темноте. И вот, я думаю, это все, чего мы с вами можем добиться, или чего мы можем достигнуть в наших сношениях с Арктуром и Альдебараном. В сущности, это даже много меньше, чем мышь по отношению к горе. Вы поняли, конечно, значение этой притчи? – добавил он, положив руку на плечо Вилли. – Это, конечно, не логический вывод, но часто такая притча или басня несравненно более убедительна.

Под конец этой речи Билль понуро опустил голову, но затем он снова поднял ее к небу. Звезды теперь, казалось, светились и светили ярче, чем прежде, и по мере того, как он подымал глаза выше и выше, они как, будто множились под его взглядом, и число их возрастало с каждой секундой.

– Я вас понимаю, – сказал Билль, обращаясь к молодому толстяку, – мы точно в мышеловке, в каком-то заколдованном кругу.

– Да, нечто в этом роде, – подтвердил его собеседник. –

Видали вы когда-нибудь белку, вертящуюся в колесе, и подле нее другую белку, сидящую вместе с первой в одной и той же клетке, с философским спокойствием трудящуюся над лежащими перед ней орехами? Надо ли говорить, которая из этих двух белок может быть названа разумной, и которая неразумной?

Глава II

Дочь пастора

Прошло несколько лет, и старики, мельник и его жена, умерли оба в одну зиму. Их приемный сын заботливо ухаживал за ними во время их старости и болезни, а после смерти долго, но спокойно оплакивал их. Люди, слыхавшие о странных фантазиях молодого Билля, полагали, что он тотчас же поспешит продать доставшееся ему от стариков имущество, и отправится искать счастья вниз по реке, в больших городах, там, на равнине. Но Билль ничем не обнаружил подобного намерения; напротив, он расширил дело, поставил свою гостиницу на более широкую ногу, нанял еще двух слуг, чтобы они помогали ему прислуживать и по хозяйству, и прочно обосновался на своем старом месте. Это был не прежний тщедушный маленький Билль, а добродушный, разговорчивый, крупный и красивый молодой человек, ростом выше шести футов, с крепким сложением и железным здоровьем, с мягким, ласковым голосом и приветливой улыбкой, но при всем том странный и непонятный, являвшийся, как и прежде, загадкой для всех окружающих. Весьма скоро он прослыл чудаком во всей своей округе; и это было не удивительно. Ведь он всегда был преисполнен всякого рода премудрости, — всегда допытывался до всего, обо всем

размышлял и теперь глубокомысленно обо всем рассуждал и постоянно возражал даже против прямого здравого смысла, и неизменно оставался при своем особом мнении. Но что еще более утвердило его репутацию чудака, так это странные обстоятельства его ухаживания и сватовства и вообще его отношения к дочери пастора, Марджери. Марджери было лет девятнадцать в ту пору, когда Биллю было около тридцати; она была недурна собой и несравненно более образована и лучше воспитана, чем любая из девушек во всей этой местности, как это, конечно, и подобало ее званию и ее происхождению.

Она всегда держала голову очень высоко и отказалась от нескольких хороших партий, представлявшихся ей, с высокомерием прирожденной принцессы, что дало повод соседям и соседкам надавать ей немало нелестных прозвищ. Но несмотря на все это, она была прекраснейшая девушка и такая, которая могла бы составить счастье любого человека.

Билль не часто имел случай видеть ее, хотя церковь и стоящий подле нее церковный дом находились всего в двух милях от его дверей; тем не менее его никогда не видали у церкви, кроме воскресных дней. Случилось, однако, так, что церковный дом пришел в ветхость и потребовал основательного капитального ремонта; на это время пастор и его дочь, на месяц или около того, поселились, как говорят злые языки, за весьма умеренную плату в гостинице Билля. Благодаря этой гостинице да мельнице, да кое-каким сбережениям

старого мельника, наш юный друг являлся человеком состоятельным, а кроме того, он составил себе репутацию человека добродетельного и бережливого, что также имеет большое значение в вопросе о браке. Словом, завистники и недоброжелатели пастора и его дочери открыто болтали о том, что пастор с дочерью не без задней мысли и не с закрытыми глазами избрали для своего временного местопребывания гостиницу Билля. Но Билль был самый последний человек на свете, которого можно было заманить или залучить в сети Гименя. Стоило только взглянуть в его глаза, светлые и спокойные, как вода в пруду, но в глубине которых светился какой-то мягкий внутренний свет, чтобы понять, что этот человек ведет в жизни свою линию, что у него сложились свои убеждения и что ничто и никто в мире не заставит его уклониться от намеченного им себе пути. Марджери также была не слабовольное существо и даже внешне не смотрелась хрупкой; это была спокойная решительная девушка, с уверенным и твердым взглядом и, по-видимому, могла поспорить в твердости характера и убеждений даже с Биллем, так что, в конце концов, трудно было сказать, который из них двух в супружестве оказался бы хозяином наместа, то есть хозяином положения. Однако Марджери никогда не думала об этом и последовала за своим отцом в гостиницу без всякой задней мысли, в полной невинности своей души.

Так как сезон был еще слишком ранний, то посетители

у Вилли были немногочисленны и не часты; но сирень уже цвела, и воздух был до того мягок и тепл, что наше маленькое общество обедало в беседке под шум реки, под шелест леса и пение птиц, весело щебетавших кругом. Билль вскоре стал находить особое удовольствие в этих обедах. Пастор был скорее скучный, чем приятный собеседник; он имел привычку дремать за столом; но это был человек мягкий и деликатный; никогда с его уст не срывалось ни одного жесткого или грубого слова или обидного замечания; что же касается дочери пастора, то она удивительно умела приспособиваться к окружающей обстановке и делала это с неподражаемой грацией и тактом. Все, что она говорила, было всегда так умно и так кстати, что Билль стал очень высокого мнения о ее уме, способностях и талантах. Он смотрел на ее лицо, когда она, слегка наклонившись вперед, вырисовывалась на фоне молодых подрастающих сосен; глаза ее светились тихим спокойным блеском; свет ложился вокруг головки, как головной платок; нечто похожее на слабый намек на улыбку играло на ее несколько бледном лице, и Билль не мог досыта наглядеться на нее, не мог оторвать глаз от ее лица, испытывая при этом какое-то особенно приятное чувство. Даже в минуту полного спокойствия она казалась такой совершенной, такой полной жизни до кончиков своих тоненьких пальцев, что даже складки ее одежды, что даже подол ее платья казались одухотворенными, и все живое, созданное Богом, в сравнении с ней тускнело и меркло и становилось как бы

одним сплошным пятном, служившим для нее фоном. Когда Билль отводил от нее глаза и смотрел на окружающее, деревья казались ему безжизненными и бесчувственными, облака висели в небе бездушными лоскутьями, и даже сами вершины гор казались развенчанными. И вся долина со всей ее красотой не могла сравниться с чарующей прелестью внешности одной этой девушки.

Билль всегда был наблюдателен в обществе людей, но по отношению к Марджери эта наблюдательность сделалась у него болезненно острой. Он жадно ловил каждое ее слово и в то же время старался прочесть в ее глазах недосказанную мысль, и многие ее хорошие, простые искренние речи встречали отголосок в его душе. В ней он увидел и почувствовал душу, превосходно уравновешенную, свободную от всякого рода сомнений и желаний, овеянную полным умиротворением. Ее мысли являлись чем-то нераздельным с ее наружностью, как будто ее внешность была тесно связана с ее душевным состоянием; даже движение ее руки, ровный и тихий звук ее голоса, мягкий свет в глубине ее глаз и стройные, спокойные линии всей ее фигуры – все это гармонировало с серьезным и спокойным тоном ее речи, как аккомпанемент вторит голосу певца, дополняя его и сливаясь с ним в одну общую гармонию. Ее влияние было настолько неоспоримо и неизбежно, что оставалось только с благодарностью и радостью подчиняться ему. Биллю ее присутствие напоминало самые ранние мечты его детства, и мысль о ней заняла в его

душе место наряду с утренней зарей, журчаньем вод и первыми ранними фиалками на лугах. Таково свойство предметов, которые мы видим в первый раз или в первый раз после долгого перерыва, как, например, первые весенние цветы, — пробуждать вновь в душе острое ощущение былых чувств, возрождать эти чувства с новой силой и вызывать впечатление чего-то мистического и таинственно непонятного, которое с годами незаметно утрачивается нами. Но вид любимого лица возрождает в душе человека все эти чувства и переживания с поразительной яркостью и, можно сказать, обновляет душу.

Однажды после обеда Билль вздумал прогуляться в сосновой роще. Им всецело овладело чувство сосредоточенного блаженства и довольства, и он все время тихо улыбался своим мыслям и окружающей природе. Река, окутанная легкой дымкой, журча, бежала среди своих высоких берегов; птичка громко заливалась где-то в лесу; вершины гор казались сегодня особенно высоки, и когда он время от времени взглядывал на них, ему казалось, что и они смотрят на него благосклонно и с большим любопытством. Так он дошел до возвышения за мельницей, откуда открывался вид на равнину; здесь он присел на камень и погрузился в глубокие, но сладостные думы. Там, далеко внизу, раскинулась равнина с ее многолюдными городами и серебристыми изгибами реки; все, казалось, уснуло, кроме громадной стаи птиц, то взлетавших высоко, то падавших низко и непрерывно кружив-

шихся в прозрачном голубом эфире. Билль громко произнес имя Марджери, и оно обрадовало его слух. Он сомкнул веки, и ее образ встал перед ним спокойный и лучезарный, сопровождаемый светлыми, добрыми мыслями. Пусть же река бежит, вечно стремясь вперед; пусть птицы взлетают все выше и выше, хоть до самых звезд, теперь он видел, что все это, в сущности, пустая суэта и тщетные волнения, потому что он здесь, не трогаясь с места, а терпеливо ожидая в своей узкой горной долине, достиг высшего блаженства – увидел иное, новое, более яркое солнце!

На другой день Билль сделал через стол нечто вроде признания, в то время когда пастор молча и сосредоточенно набивал свою трубку.

– Мисс Марджери, – сказал он, – я еще не встречал никого в своей жизни, кто бы мне так нравился, как вы. Я вообще холодный, угрюмый человек, не потому, чтобы у меня не было сердца или благорасположения к моим ближним, но вследствие известной странности моего образа мыслей. Все люди мне кажутся далекими и чужими; Я стою совершенно обособленно, словно вокруг меня кольцом лежит какая-то преграда, не допускающая ко мне никого, кроме вас; других я будто издали вижу, слышу, как они смеются и говорят, а вы, я чувствую, что вы подошли ко мне совсем близко. Быть может, это неприятно вам? – спросил он.

Марджери ничего не ответила.

– Что же ты ничего не говоришь, дочь моя? – сказал отец.

– Нет, пусть не говорит сейчас, – возразил Билль, – я не желал бы ее неволить; у меня у самого язык прилип к гортани, а со мной это редко бывает, она же женщина, и не многим старше ребенка; если сказать по правде, где же ей сразу разобраться в этом! Но что касается меня, то, насколько я могу судить о том, что люди вообще под этим подразумевают, я думаю, что Я то, что называется «влюблен»! Возможно, конечно, что я ошибаюсь, но мне кажется, что со мной дело обстоит именно так, как я говорю. Если мисс Марджери, со своей стороны, питает по отношению ко мне иные чувства, то, может быть, она будет столь добра, что согласится отрицательно покачать головой, – добавил Билль.

Но Марджери продолжала хранить молчание и ни единым знаком или движением не дала заметить, что она что-нибудь слышала.

– Как же мне это понимать? – спросил Билль, обращаясь к пастору.

– Она должна ответить, – сказал отец, отложив в сторону свою трубку. – Слышишь, Мэдж, вот наш сосед говорит, что он любит тебя. А ты? Любишь ты его или нет?

– Я думаю, что да, – чуть слышно ответила Марджери.

– Ну вот, это все, чего можно было желать! – радостно воскликнул Билль, и он через стол взял ее руку и с минуту продержал ее в своих с чувством невыразимого удовлетворения.

– Вы должны пожениться, – заметил пастор, поднося трубку ко рту.

– Вы полагаете, что это именно то, что мне следует сделать? – спросил его Билль.

– Всенепременно! Это необходимо, – сказал старик.

– Ну что ж, прекрасно! – согласился жених.

На этом разговор и кончился.

Прошло дня два или три, в продолжении которых Билль чувствовал себя все время наверху блаженства, хотя любой посторонний наблюдатель едва ли бы это заметил.

Он продолжал ежедневно обедать, сидя напротив Марджери за столом, продолжал беседовать с ней и глядеть на нее в присутствии ее отца совершенно так же, как раньше, но не делал ни малейшей попытки видеться с ней наедине и вообще ни в чем не изменил своего отношения к ней или своей манеры держаться с ней, против того, как это было с самого начала. Возможно, что девушка была этим немного разочарована и, может быть, не совсем без причины, а между тем если бы для ее удовлетворения было достаточно сознания, что она неотступно царит в его мыслях, что она придает всей его жизни иную окраску, она могла бы быть вполне довольна. Ни на одно мгновение Билль не переставал думать о ней; он подолгу сидел над рекой и следил за облаками водяной пыли и брызг над водой, за рыбой, неподвижно стоящей в воде, и за водорослями, стелющимися по течению реки, словно вытянутые струны. Он уходил один на пригорок лю-

боваться румяным закатом, и черные дрозды целыми стаями стрекотали у него над головой и повсюду кругом, в чаще леса. Он вставал рано поутру и встречал первые лучи солнца, золотившие бледно-серое небо, которое они предварительно окрасили в бледно-розовый цвет, смотрел, как вершины гор вдруг озарялись ликующим светом, и на что бы он ни смотрел, он никак не мог надивиться всей этой красоте пробуждающейся или засыпающей природы и спрашивал себя: да неужели же он раньше никогда не видал всего этого? Или же в самом деле случилось с ним что-то, отчего все кругом так преобразилось? Даже звук колес его мельницы и шелест ветра в верхушках деревьев смущали и очаровывали его. И самые чудные мысли, непрошенные и незванные, сами собой родились у него в мозгу. Он был до того счастлив, что не мог спать по ночам, а днем не мог усидеть на месте, разве только в ее обществе, а между тем казалось, будто он ее избегает, вместо того, чтобы искать ее присутствия. Однажды, когда Билль возвращался с такой прогулки, он застал Марджери в саду, где она срезала цветы. Поравнявшись с ней, он замедлил шаги и пошел рядом с ней.

– Вы любите цветы? – спросил он.

– О да, я их очень люблю, – ответила она, – а вы?

– Я не особенно; цветы – это хорошо так, от безделья. Когда все дело сделано, можно и ими заняться, но я вполне понимаю, что можно очень любить цветы, только не так, как вы любите.

– Не так? А как же? – спросила она, остановившись и подняв на него вопросительный, недоумевающий взгляд.

– Вы вот срываете их, – сказал он, – а им гораздо лучше на корню и на стебле; там, на своем месте, на них даже смотреть приятнее, потому что они смотрятся красивее, свежее, бодрее и веселее.

– Но я хочу, чтобы они всецело принадлежали мне, – возразила девушка, – я хочу носить их на груди, хочу держать их на столе в моей комнате, чтобы любоваться ими когда хочу и сколько хочу. Они соблазняют меня, пока я вижу их здесь, на кустах; они как будто говорят мне: поди сюда, сделай что-нибудь с нами! А когда я срежу их и принесу к себе, этот соблазн сам собой исчезает, они перестают смущать меня, и я могу спокойно смотреть на них, могу любоваться ими с легким сердцем.

– Вы, значит, желаете обладать ими, – сказал Билль, – чтобы потом уже и не думать о них; это походит на то, как один человек зарезал курицу, несущую золотые яйца, чтобы сразу завладеть всеми ее золотыми яйцами, – помните, как о том говорится в басне? А еще это напоминает мне несколько то, что я всегда хотел сделать, когда был еще маленьким мальчиком. Меня всегда прельщал вид на равнину, и я хотел непременно спуститься в нее, а там я, конечно, был бы лишен возможности любоваться видом на нее. Боже мой, Боже мой! Если бы только все люди постоянно думали об этом, то, вероятно, все поступали бы так, как я, и вы тоже, веро-

ятно, оставили бы эти бедные цветы расти на своем месте, так, как я остался здесь, в своей горной долине... – Вдруг он остановился, не договорив свою мысль. – Клянусь Богом! Да ведь это!.. – воскликнул он и опять замолчал, а когда Марджери стала спрашивать его, что такое ему пришло в голову, он уклонился от ответа и пошел в дом, а на лице у него появилось какое-то странное выражение, удивившее девушку.

За столом он против обыкновения был молчалив, а когда стемнело, и звезды зажглись на небе, он в продолжение нескольких часов, не переставая, ходил взад и вперед по двору и саду неровными шагами, видимо, чем-то сильно взволнованный и озабоченный. Весь дом уже давно спал, но в окне комнаты, занимаемой Марджери, еще был огонь; одно небольшое, продолговатое, оранжево-красное пятно среди целого моря темно-голубоватой мглы спящей долины и серебристого трепетного света звезд в безлунной ночи. Мысли Билля очень часто возвращались к этому окну, но это были вовсе не мысли влюбленного.

– Там за окном, в комнатке, где горит свеча, там она, – думал он, – а здесь у меня над головой бесчисленные звезды, благослови, Господь, и ее, и их!

Как эта девушка, так и звезды имели на него благотворное влияние; и она, и звезды размягчали его душу, пробуждали в нем лучшие чувства и способствовали его сладостному довольству жизнью и всем окружающим миром. Чего еще больше мог он желать или ожидать от них?.. И в этот

момент молодой толстяк и его мудрые наставления так живо припомнились Биллю, так ярко ожили в его памяти, что он невольно закинул голову назад, как тогда, в ту столь памятную для него ночь, и, приложив обе ладони ко рту, он громко крикнул вверх к далекому небу, усеянному мириадами звезд. Вследствие ли неудобного положения слишком закинутой головы, или же вследствие непривычного усилия от напряжения голоса, ему вдруг показалось, что в этот момент звезды внезапно дрогнули, заколебались и как будто сшиблись друг с другом и рассыпали по небу целый дождь холодных, ледящих лучей. В тот же миг один уголок занавески в окне на мгновение приподнялся, свет в окне дрогнул, и занавеска снова опустилась. Билль громко рассмеялся.

– Ха-ха-ха!.. И они, и она!.. – подумал он, – Задрожали звезды, задрожал и свет в окне! Бог свидетель, какой я великий маг и волшебник!.. Будь я глупец, как бы я теперь, голубчик, попался!.. а будь я глупцом...

И он пошел ложиться, тихонько посмеиваясь про себя.

На другой день рано утром он увидел Марджери в саду и поспешил к ней.

– Я вчера, да и все это время, много думал о женитьбе, – сказал Билль, приступая к делу без дальнейших околичностей. – Обсудив этот вопрос со всех сторон, я пришел к убеждению, что это дело не стоящее, то есть, что нам жениться положительно не стоит.

Девушка на одно мгновение подняла на него глаза, но его

добродушный, сияющий вид смутил бы в данном случае даже ангела, и Марджери поспешила опустить глаза в землю, не вымолвив ни единого слова. Но он видел, что она вздрогнула.

– Я надеюсь, что вы ничего не имеете против этого, – продолжал он, несколько смущенный ее отношением к его словам, – и, конечно, не сердитесь на меня за то, что я вам сейчас высказал; право, вы не должны на это обижаться; я все это основательно обдумал и обсудил, и даю вам слово, честью заверяю вас, что мы ничего от этого брака не выиграем. Мы не станем от него ни на йоту ближе друг другу, чем теперь, и никогда не будем так счастливы, как сейчас!

– Вы напрасно тратите со мной так много слов, – сказала она, – это совершенно лишнее; я прекрасно помню, что вы сказали тогда, что не смеете утверждать с полной уверенностью, что любите меня, что, может быть, вы ошибаетесь, – и теперь, когда я вижу, что вы действительно ошибались и что вы, по-видимому, никогда не любили меня, я могу только сожалеть о том, что я была введена вами в заблуждение в этом отношении.

– Прошу извинения! Вы вовсе не так поняли смысл и значение моих слов, вы сильно заблуждаетесь на этот раз, – энергично запротестовал Билль. – Что касается того, насколько я вас любил и любил ли я вас или нет, об этом вы судить не можете, об этом лучше знать другим, но, во всяком случае, мое чувство ничуть не изменилось, и вы смело може-

те похвалиться, что изменили всю мою жизнь и меня самого сделали совсем другим человеком, не похожим на то, чем я был раньше. Я искренне думаю все, что я вам теперь говорю, и ничего не преувеличиваю в моих словах; я не думаю, чтобы нам стоило жениться, и, право, я предпочел бы, чтобы вы продолжали жить с вашим добрым отцом, а я имел бы возможность раз или два в неделю ходить к вам, как люди ходят в церковь, а в промежутки между этими свиданиями мы оба были бы счастливы от ожидания новой встречи и нового свидания. Таково мое представление, но если вы почему-либо непременно хотите этого, то я женюсь на вас, – добавил он.

– Неужели вы не понимаете, что вы оскорбляете меня?! – воскликнула она с невольным упреком.

– Я вас оскорбляю! Нет, Марджери, нет! Как вы можете допустить, что-нибудь подобное!.. Кто хотите, только не я! Говорю вам это от всей души. Мне вас оскорблять! Мне, который предлагает вам лучшую привязанность своего сердца, самую искреннюю, самую чистую и святую любовь. Примите ее или пренебрегите ею, как хотите, но только, я так полагаю, что не в вашей власти, а также и не в моей, изменить то, что раз случилось, и вы теперь, если бы даже вы того желали, не в состоянии освободить меня от этой любви! Я женюсь на вас, если хотите, повторяю вам это, но вместе с тем еще раз говорю вам, что не стоит, что мы ровно ничего через это не выиграем и что нам гораздо лучше остаться друзьями. Хотя я тихий, нерасторопный человек, но в своей жизни я успел

многое заметить, успел увидеть многое такое, чего не видят другие, и успел многому научиться; поверьте мне, Марджерри, вы ничего не прогадаете, если согласитесь на мое предложение. Если же оно вам не нравится, скажите только одно слово, и я сейчас же женюсь на вас.

Наступило довольно продолжительное молчание; Билль стал чувствовать какую-то неловкость и вследствие этого начал раздражаться.

– Как я вижу, вы слишком горды и не хотите высказать мне прямо ваше мнение. Очень жаль, – сказал он. – Поверьте, куда легче живется, когда все делается начистоту! Скажите, может ли человек поступить более прямодушно, более честно и чистосердечно по отношению к женщине, чем я поступил в данном случае? Я высказал вам честно свое убеждение, а выбор и решение предоставил вам; хотите вы, чтобы я на вас женился, или предпочитаете принять мою дружбу, как я вам предлагаю, потому что считаю это за лучшее? Или, быть может, я вам просто надоел? Выскажитесь, прошу вас! Помните, что сказал ваш батюшка? Он сказал, что в таких случаях девушка должна сказать, что у нее на душе!

При этих последних словах Мэдж как будто очнулась. Не сказав ни слова, она повернулась и быстрыми шагами пошла через весь сад по направлению к дому и вскоре скрылась в нем, оставив Билля в сильном смущении и в полной неизвестности относительно ее решения. Он стал ходить взад и вперед по саду, тихонько насвистывая про себя. По време-

нам он останавливался и смотрел на небо и на вершины гор или же шел и садился на краю обрывистого берега реки и смотрел на воду тупым, бессознательным взглядом. Все эти недоумения, сомнения, волнения были так чужды его рассудительной натуре, его привычкам и всему избранному им с твердой решимостью, спокойному и уравновешенному укладу жизни, что он начинал уже сожалеть о том, что Марджери вошла в его жизнь.

– В сущности, – думал он, – я был счастлив, как только может быть счастлив человек на земле. Чего мне недоставало? Я мог во всякое время приходить сюда и наблюдать моих рыбок по целым дням, если я хотел, и мог любоваться небом и звездами, и утренней и вечерней зарей, и никто не мог мне помешать в этом; я был и спокоен, и доволен своим положением, как вот эта моя старая мельница над рекой. Чего же мне еще было надо!..

К обеду Марджери пришла нарядная и спокойная, и едва только они все трое сели за стол, как она обратилась к своему отцу с такой речью:

– Батюшка, мы основательно переговорили обо всем с мистером Вилли и пришли к такому решению: мы видим, что оба мы ошиблись в наших чувствах, и он согласился на мою просьбу отказаться от всякой мысли о браке между нами; он согласился быть для меня не более как моим добрым другом, как раньше. Как вы видите, батюшка, – продолжала она все также спокойно, но не подымая глаз от своей тарелки, при-

чем, однако, не проявляла никаких других признаков смущения или огорчения, – между нами нет и тени ссор или неудовольствия, и я серьезно надеюсь, что мы очень часто будем видеть его в будущем у себя, и его посещения будут мне всегда особенно приятны, и он во всякое время будет желанным гостем в нашем доме. Тебе, конечно, лучше знать, отец, как нам поступить, но мне кажется, что нам было бы лучше покинуть теперь гостеприимный кров мистера Билля, по крайней мере на некоторое время, потому что, я думаю, что после того, что произошло, мы едва ли можем быть для него приятными гостями; во всяком случае, в эти первые дни.

Билль, который с трудом сдерживал себя с самого первого момента ее речи, после этих последних слов шумно выкрикнул что-то невнятное и поднял руку, как бы энергично протестуя этим жестом против всего сказанного. При этом весь вид его выражал какое-то растерянное возмущение и досаду, по-видимому, он был готов вмешаться и протестовать, но она сразу осадила его, устремив на него строгий взгляд и вспыхнув на мгновение гневным румянцем.

– Может быть, вы будете столь любезны, что позволите мне объяснить все это дело отцу, – сказала она таким тоном, что Билль совершенно растерялся.

Он был окончательно выбит из колеи ее манерой держать себя и тоном ее голоса. Он не посмел раскрыть рта, решив, что в этой девушке есть нечто такое, что свыше его понима-

ния, и в этом он действительно был прав.

Бедный пастор был совершенно озадачен; он всячески старался доказать, что это не более, чем маленькая ссора влюбленных, которая пройдет бесследно, еще раньше, чем на дворе успеет стемнеть; но когда ему была доказана несостоятельность этого аргумента, тогда он стал доказывать, что если не было ссоры, то нет и основания расставаться. Добряк пастор успел привыкнуть и полюбить и своего хозяина, и его приятное общество, и все условия жизни в этой гостинице. Интересно было видеть, как молодая девушка ловко справлялась с обоими мужчинами. Она говорила мало и совершенно спокойно, и тем не менее, что называется, умела обвести их вокруг своего пальчика, и незаметно для них вела их туда, куда хотела, одним своим мягким женским тактом и умением. Все шло так, как будто не она вовсе все это устроила, а обстоятельства сами собой сложились так, что Марджери и ее отец уехали в тот же день после обеда. Сев в деревенскую бричку, они направились дальше вниз по долине, где и поселились в ближайшей деревушке, в ожидании того времени, когда постройка пасторского дома будет закончена и им можно будет опять перебраться к себе на свое старое место. Билль внимательно наблюдал за молодой девушкой все время, пока они еще оставались у него в доме. От него не укрылись ее проворство и решительность во время сборов к отъезду. Когда он остался один, у него в голове было множество странных вопросов, которые ему следовало об-

думать и обсудить. Прежде всего он чувствовал себя ужасно одиноким и печальным. Как будто весь интерес к жизни разом пропал у него, и теперь он мог смотреть по целым часам, по целым ночам на звезды и почему-то не находил в них, как прежде, ни успокоения, ни утешения. Теперь он как будто совершенно утратил свое обычное душевное равновесие из-за этой Марджери. Он был и удивлен, и озадачен, и раздражен в то же время ее поведением, и все же он не мог не восхищаться ею, не удивляться ей. Ему казалось, что он узнает в тихой и всегда ровной девушке, в этой, по-видимому, спокойной женской душе, черты хитрого, развратного демона, которых он до сего времени никогда не подозревал в ней; и хотя он видел, что ее влияние шло вразрез его личным вкусам и привычкам и тому искусственно созданному им для себя спокойствию, он тем не менее не мог противостоять искушению страстно желать подчинения этому влиянию. Подобно человеку, постоянно жившему в тени и сумерках и вдруг очутившемуся на ярком солнце, он был одновременно и огорчен, и восхищен; ему было и жутко, и тяжело, и в то же время страшно приятно.

По мере того, как проходил день за днем, Билль переходил от одной крайности к другой; то он кичился своей силой воли и твердостью своих решений, то презирал свое глупое малодушие и осторожность. Первый род образа мыслей, в сущности, более соответствовал его истинным взглядам на вещи и являлся, так сказать, результатом его обычных здравых

рассуждений; но время от времени его с неудержимой силой внезапного порыва охватывало негодование на самого себя и возмущение против своего, как он тогда выражался, «нелепого поведения», и тогда он гнал прочь всякое благоразумие и точно человек, мучимый угрызениями совести, бродил по целым дням в саду, по дому или по лесу, не находя себе нигде покоя. Такое состояние духа было совершенно невыносимо для человека обычно столь спокойного, уравновешенного и степенного, как Билль, и он решил во что бы то ни стало положить этому конец. Итак, в одно прекрасное, теплое утро он надел свое лучшее платье, взял в руки тросточку из прута терновника и пошел вниз по долине вдоль берега реки. Как только он принял свое решение, к нему разом вернулось его обычное спокойствие, сердечное и душевное равновесие; он радовался ясному, хорошему дню, любовался разнообразием живописной местности, и все это без малейшей примеси тревоги или какого-нибудь неприятного чувства. В сущности, ему было почти безразлично, чем окончится его вторичное сватовство; какой бы оборот ни приняло в данном случае дело, он будет одинаково доволен, – так думал он. Если она на этот раз примет его предложение, то уж ему, конечно, придется жениться на ней, что, пожалуй, будет к лучшему. Если же она откажет, то у него по крайней мере будет сознание, что он сделал все, что от него зависело, и теперь может спокойно идти дальше своим путем, с совершенно спокойной совестью. В глубине души он все-таки надеялся, что

она ему откажет, но затем, когда он увидел в просвете между ветвистых ив на повороте реки коричневую кровлю, под которой она жила, он был уже наполовину склонен желать обратного и был положительно пристыжен сознанием шаткости и неустойчивости своих желаний.

Марджери, по-видимому, была рада, очень рада его видеть; она протянула ему руку, ни минуты не задумываясь и без малейшей аффектации.

– Я много думал об этом браке, – начал он.

– И я тоже, – подхватила она, – и я все более и более уважаю вас, как человека умного и проницательного; вы сумели тогда лучше понять меня, чем я сама себя понимала, и теперь я совершенно уверена, что вы были правы и что нам лучше оставаться с вами в дружеских отношениях.

– А все-таки я... – попытался было возразить Билль, но она поспешила перебить его.

– Вы, должно быть, устали, – заговорила она, – садитесь, пожалуйста, и позвольте мне принести вам стаканчик вина. День сегодня такой жаркий. А я хотела бы, чтобы вы остались довольны сегодняшним вашим визитом к нам, потому что я желаю, чтобы вы часто-часто навещали нас, раз в неделю, если у вас будет время; я всегда так рада видеть своих друзей, и отец тоже.

«Ну и прекрасно, – мысленно решил Билль, – как видно, я действительно был прав в конце концов». И он провел очень приятно время в гостях у дочери пастора в ее милом обще-

стве и вернулся домой в прекраснейшем расположении духа, после чего не стал более думать о своем сватовстве и предал все это дело полному забвению.

Почти целых три года Билль и Марджерии продолжали подерживать между собой подобные отношения, видясь раз или два в неделю и не обмениваясь никогда не единым словом о любви. И в продолжение всего этого времени Билль был, по-видимому, так счастлив, как только может быть счастлив человек на земле. Он часто даже сам себе урезал радость частых свиданий с Марджерии; нередко, дойдя до половины пути к церковному дому, он возвращался назад, как будто для того, чтобы разжечь свой аппетит. На одном из поворотов пути было такое место, откуда можно было видеть церковный шпиль и колокольню, как будто втиснутые между двумя поросшими сосновым лесом склонами гор, на фоне треугольного клочка долины. Это место Билль особенно облюбовал для своих размышлений; здесь он садился и обдумывал и обсуждал все свои впечатления, прежде чем вернуться домой. Окрестные крестьяне до того привыкли постоянно видеть его на этом месте в сумерки, что прозвали этот изгиб дороги «Уголок Билля с мельницы».

По прошествии же трех лет Марджерии сыграла с ним жестокую шутку, выйдя замуж за кого-то другого. Билль с достоинством выдержал свой характер и при случае высказывался, что, насколько он знал женщин, он поступил тогда весьма разумно и осторожно, что три года тому назад не же-

нился на ней сам. Несомненно, что она сама мало знала себя и, несмотря на ее обманчиво рассудительный и сознательный вид и на ее спокойную уверенность в себе, была так же непостоянна и изменчива, как и все остальные женщины. Мне остается только поздравить себя, что я благополучно избежал соблазна, говорил он, и при этом становился еще более высокого мнения о своем уме и рассудительности. Но в душе он был крайне недоволен случившимся. В продолжение месяца или двух постоянно дулся и был не в духе, и сильно похудел к немалому удивлению его двух работников или слуг.

Пожалуй, год спустя после этого брака, однажды поздно ночью Билль был разбужен стуком копыт мчавшейся во весь опор по дороге лошади и вслед за тем сильным стуком в ворота его гостиницы. Он распахнул окно, выглянул на дорогу и увидел работника с фермы, прискакавшего верхом на лошади с другой оседланной лошадыю в поводу. Этот работник сказал ему, чтобы он спешил, как только можно, отправиться вместе с ним в дом его хозяина, потому что госпожа Марджери при смерти; она послала за Биллем, прося его настоятельно приехать, чтобы проститься с ней. Билль был плохой наездник и так долго собирался в путь, что бедная молодая женщина была, можно сказать, при последнем издыхании, когда он наконец прибыл. Тем не менее они беседовали в продолжение нескольких минут с глазу на глаз, и он присутствовал и горько плакал в то время, когда она умирала.

Глава III

Смерть

Год за годом уходили в вечность; великие перевороты и взрывы народного возмущения переживали большие города, там, на равнине; кровавые бунты вспыхивали то тут, то там и подавлялись кровавой расправой; битвы и сражения склоняли победу то на ту, то на другую сторону; терпеливые астрономы на своих высоких башнях в обсерваториях высматривали новые светила и наделяли их причудливыми названиями; драмы, трагедии и комедии исполнялись на сценах ярко освещенных театров; людей на носилках тащили в больницы и госпитали, и все шло своим обычным чередом непрерывной суеты и волнений человеческой жизни в больших, густонаселенных центрах. Только там, наверху, в горной долине Билля, один ветер и смена времен года вносили свое разнообразие; рыбы по-прежнему стояли неподвижно в быстро бегущей реке, птицы кружились над головой, и верхушки сосен шумели под звездным небом, а вершины высоких гор, казалось, господствовали надо всем. И Билль по-прежнему хлопотал, ходил взад и вперед по своей гостинице, заботился о приезжающих посетителях до того времени, пока голова его не побелела сединами. Но сердце его по-прежнему оставалось юным и сильным; и если пульс его бился

не всегда спокойным темпом, все же он бился сильно и равномерно, как у здорового и бодрого человека. Щеки его были еще украшены густым пятном румянца, напоминающим румяное, спелое яблоко. Правда, он несколько согнулся, так что казался чуточку сутуловатым, но походка его была по-прежнему твердая и уверенная, а жилистые руки его протягивались радушно к каждому человеку для дружелюбного рукопожатия. Лицо его было испещрено мелкими морщинами, как это обыкновенно случается с людьми, много живущими на открытом воздухе, и которые, в сущности, являются следствием постоянного пребывания на солнце. Такого рода мелкие морщины подчеркивают глупое выражение глупой физиономии, но такому лицу, как лицо Билля, с его умными, ясными глазами и доброй улыбкой, они придавали еще большую прелесть, свидетельствуя о простой, скромной и спокойной жизни. Разговор его был полон умных изречений, метких сравнений и характерных или справедливых поговорок; Билль питал симпатию к людям, и люди питали симпатию к нему. И когда долина переполнялась туристами в разгар сезона, в беседке при гостинице Билля хозяин и гости проводили не одну приятную и веселую ночь. Его взгляды и мнения, часто казавшиеся вздорными его односельчанам и соседям, нередко возбуждали удивление и приводили в восторг высокообразованных людей из больших городов и ученых мужей из университетов и колледжей. Можно было сказать по справедливости, что Билль дожил до почтенной

старости; он всеми был уважаем и любим и с каждым днем приобретал все большую известность; слава о нем дошла до многолюдных больших городов на равнине. Молодые люди, путешествовавшие летом в этих горах, встречаясь в городских кафе, вспоминали Билля с мельницы и его простую, но здравую философию. Много, много приглашений, могу вас уверить, получал старый Билль от своих посетителей, но ничто не могло прельстить его и заставить его покинуть хоть на время его горную долину. На все такие увещевания и уговоры он неизменно отрицательно качал головой и, многозначительно усмехаясь, не вынимая изо рта трубки, отвечал: «Вы опоздали, друг мой, я теперь, можно сказать, мертвый человек, моя жизнь прожита! Я жил и умер, давно уже умер! Лет пятьдесят тому назад при ваших словах у меня сердце выскочило бы из груди от радости, а теперь это даже не прельщает меня; таковы результаты долгой жизни, что в конце концов людям надоедает жить». Или же: «Я знаю только одну разницу между долголетней жизнью и хорошим обедом: за обедом сладкое подают под конец, в жизни же наоборот». Или же отвечал так: «Когда я был еще ребенком и юношей, я всегда тщетно ломал себе голову над вопросом: я ли или свет интересен, любопытен и достоин изучения? А теперь я прекрасно знаю, что это я сам, а отнюдь не свет! И я давно уже упорно держусь этого мнения».

Несмотря на преклонный возраст, Билль никогда не обнаруживал никаких признаков физической слабости или немощности.

щи, а оставался крепким, бодрым и здоровым до конца. Говорят, что под конец он стал менее разговорчив и менее словоохотлив, но зато он целыми часами готов был слушать других с величайшим вниманием и видимым удовольствием, а когда он говорил, то говорил особенно веско, и в его речи чувствовался разум, умудренный долголетним опытом. Он охотно выпивал бутылку вина, особенно во время заката, на вершине любимого пригорка за мельницей, откуда открывался вид на равнину, или же поздно ночью под звездным небом в беседке. Он говорил, что вид чего-нибудь особенно прекрасного и недостижимого усугубляет его наслаждение предметами доступными, и при этом утверждал, что он достаточно долго прожил, чтобы научиться любоваться огоньком свечи, особенно если он имел возможность сравнивать его с планетой.

Однажды ночью, когда ему было уже семьдесят два года, он вдруг пробудился в столь тревожном состоянии духа, что не мог оставаться в постели. Он встал, оделся и вышел в беседку, чтобы предаться размышлениям, как это было его обыкновением всегда, когда ему было не по себе. Ночь была темная, ни зги не видать, на небе ни единой звездочки; река сильно вздулась, а насыщенные влагой леса и луга наполняли воздух благоуханием. Днем была сильная гроза, и назавтра надо было тоже ожидать грозы. То была темная, мрачная, леденящая ночь для старика семидесяти двух лет! Погода ли или окружающий мрак были тому причиной, или бессонни-

ца, или же лихорадочное состояние и небольшой жар в крови, но на Билля нахлынули бурные, жгучие воспоминания, болезненно яркие, теснившиеся и толпившиеся в его мозгу в непривычном беспорядке. Он видел себя мальчиком, затем юношей, беседующим в этой самой беседке с молодым толстяком, вспоминал, как наяву, смерть своих приемных родителей; чудные летние дни, проведенные здесь с Марджери, и много-много таких мелких пустячных, в сущности, обстоятельств, которые кажутся совершенно вздорными и ничего не значащими для других, а между тем представляют собою самую суть всей жизни человека для того, кто их пережил. Нечто когда-то виденное, слова, некогда произнесенные и запечатлевшиеся в памяти, взгляды, случайно уловленные, — все когда-то им виденное и слышанное или перечувствованное, вдруг почему-то разом поднялось со дна души, выползло из забытых уголков и овладело всеми его мыслями и чувствами. Даже сами умершие, некогда близкие и дорогие, как будто были здесь с ним, в эту ночь, не только как бледные тени в ряду воспоминаний, проходящие перед его мысленным взором, а как живые люди, присутствующие здесь, видимые, чуть не осязаемые, как это иногда бывает во сне. Молодой толстяк, например, клал локти на стол, сидя против него у стола, Марджери шла по саду с полным передником только что срезанных цветов; он видел, как она ходила между садом и беседкой, он слышал, как старик-пастор выколачивал золу из трубки и как он шумно сморкался. Сознание его все вре-

мя то затуманивалось, то прояснялось, словно в нем происходил прилив и отлив; временами он как будто впадал в полудремоту и совершенно тонул в своих воспоминаниях прошедшего, а временами он приходил в себя, возвращаясь к сознанию действительности, и не мог надивиться тому, что с ним происходит. Но среди ночи он очнулся, испуганный пробудившим его к действительности голосом старика-мельника. Билль явственно услышал, как старик звал его из окна дома, как он обыкновенно делал, когда приезжали посетители. Галлюцинация была до того сильна, что Билль невольно вскочил с места и стал прислушиваться, ожидая, что мельник позовет его опять. Но в то время, как он стоял и прислушивался, он услышал другой звук, кроме шума реки у мельницы и лихорадочного звона у него в ушах, – это был как бы конский топот и стук экипажа, который как бы разом остановился на дороге; у ворот гостиницы.

В такое время ночью на этом крутом и опасном подъеме предположение о подъехавшем экипаже было положительно нелепо, и Билль поспешил отогнать его и снова сел на свое прежнее место на скамье в беседке, но едва он сел, как сон одолел его, как одолевают тонущего смыкающиеся над ним волны. Затем он снова пробудился, разбуженный вторично голосом покойного старого мельника, но на этот раз голос звучал как-то тоньше и призрачнее, чем в первый раз, и опять раздался стук несущегося по дороге экипажа, разом оетановившегося у ворот. И все это повторилось три или че-

тыре раза, был ли то сон или галлюцинация наяву, трудно сказать, но под конец Билль встал и, подсмеиваясь сам над собой, как подсмеиваются над ребенком, боящимся чего-то несуществующего, пошел к воротам, чтобы проверить свои сомнения, удостовериться, что все это ему только померещилось, и успокоиться на этом.

Расстояние от беседки до ворот было не особенно большое, но тем не менее Биллю потребовалось довольно много времени для того, чтобы пройти его; казалось, что умершие столпились вокруг него во дворе и мешал ему пройти, пересекая ему на каждом шагу дорогу. Во-первых, его поразила сильный, одуряющий аромат гелиотропов, невыразимо сладкий и чарующий, как будто весь сад его из конца в конец был засажен этими цветами, и теплая, влажная ночь высасывала из них всю силу их аромата своим влажным дыханием. А гелиотропы были любимейшими цветами Марджери, и со времени ее смерти Билль не сажал больше ни одного гелиотропа в своем саду.

– Я, должно быть, с ума схожу! – подумал он. – Что это мне сегодня все такое чудится – бедная, милая Марджери и ее любимые гелиотропы! Мир ей и им!

И, говоря эти слова, он взглянул на то окно, которое некогда было окном занимаемой ею комнаты. И если до того он был смущен и удивлен, то теперь он был положительно поражен. Там, в комнате, был свет; окно казалось продолговатым оранжево-красным пятном на фоне окружающего мрака

темной ночи, как тогда, много-много лет тому назад, и угол занавески приподнялся и снова опустился, как в ту ночь, когда он взывал к звездному небу. И этот обман воображения, эта поразительная иллюзия длилась всего один момент, а затем все исчезло, но она точно подкосила его силы и унесла бодрость его духа. Он стоял какой-то растерянный и, протирая глаза, впивался взглядом в темный силуэт знакомых очертаний дома, на фоне почти столь же темного ночного неба. И в то время, как он стоял и смотрел на свой дом, он вдруг опять услышал шум колес экипажа и стук конских копыт на каменистой дороге, и в тот момент, как он обернулся лицом к воротам, он увидел незнакомца, шедшего по двору прямо к нему навстречу. А там дальше, за спиной незнакомца, на большой дороге у раскрытых настежь ворот, виднелись смутные очертания большого парадного экипажа, позади которого стройные черные верхушки молодых сосен ближайшего перелеска казались тонкими черными султанами.

– Мастер Билль? – коротко, по-военному, обратился к хозяину приезжий.

– Он самый, – отозвался Билль, – чем могу вам служить, сударь?

– Я много, очень много слышал о вас, мастер Билль, – сказал приезжий, – и все только одно хорошее... Да! И хотя у меня дел невпроворот, как говорится, рук не хватает на все, тем не менее я желаю распить с вами бутылочку вашего доброго вина там, в вашей беседке; перед отъездом я отреко-

мендуюсь вам по всем правилам, а пока я еще сохранию на время свое инкогнито.

Билль повел незнакомца к беседке, зажег там лампу и откупорил бутылочку вина. Он, можно сказать, давно уже привык к подобного рода посещениям и подобным любезным вступлениям со стороны своих гостей и от этого нового гостя не предвидел ничего особенно приятного; он был достаточно умудрен опытом и встречал на своем веку немало краснобаев и видал немало разочарований. Почему-то мысли у Билля в этот вечер как будто затуманивались, и это помешало ему вспомнить, что время сейчас было весьма неурочное для посещений и что во всем происходившем с ним в эту ночь было нечто странное, необычайное. Он двигался и делал все, как во сне; ему показалось, что лампа зажглась точно сама собой, что бутылка раскупорилась без малейшего усилия с его стороны, и пока он это делал, его внутренне разбирало любопытство по отношению к внешности незнакомца. Тщетно он старался направить свет лампы на его лицо; не то он был на этот раз неловок в обращении с лампой, не то туман застилал ему глаза, но только он никак не мог различить ничего, кроме общих очертаний гостя, точно какую-то тень, сидящую у стола против него. Перетирая стаканы, Билль продолжал упорно всматриваться в эту тень, и при этом он ощущал какой-то странный холодок около сердца, и царившая кругом тишина и безмолвие тоже тяготили и удручали его. Теперь он ничего решительно не слышал – ни

шума реки, ни шелеста ветра, он слышал только, как кровь стучала и гудела у него в висках.

– Пью за вас! – довольно грубо и отрывисто произнес гость.

– Слуга ваш покорный, сударь! – ответил Билль и с вежливым поклоном он отхлебнул вина из своего стакана, но вино имело на этот раз какой-то странный, неприятный вкус.

– Насколько мне известно, вы очень непреклонный и упорный человек, – продолжал незнакомец.

Билль вместо ответа едва заметно утвердительно кивнул головой и скромно, но с некоторым самодовольством улыбнулся.

– Я тоже непреклонен, – сказал незнакомец, – и мое главное наслаждение – это досаждать людям, наступать им на их любимые мозоли! Я не хочу допустить, чтобы кто-нибудь был так же непреклонен, как я! Я люблю щелкать людей по носу; в свое время я досаждал и перечил и самым надменным и могущественным государям, и величайшим полководцам, и гениальнейшим артистам, и что бы на это сказали вы, если бы я теперь заявил вам, мастер Билль, что я явился сюда нарочно, чтобы поперечить вам!

У Билля вертелся на языке резкий ответ наглецу, но привычная вежливость содержателя гостиницы взяла верх над его непосредственным чувством, и он, промолчав, ответил на вызывающие слова гостя вежливым, уклончивым жестом руки.

– Таково в действительности мое намерение, – продолжал незнакомец, – и если бы я не питал к вам особого уважения, я бы не стал тратить с вами так много времени, а поступил бы круто, как я часто это делаю, без лишних церемоний и проволочек... Вы, кажется, гордитесь тем, что безотлучно прожили в этом углу всю свою жизнь, и что ничто на свете не может вас заставить покинуть вашу мельницу и вашу долину, потому что вы когда-то решили никогда не покидать их; ну, а я решил иначе, я решил, что вы сегодня уедете со мной отсюда в моей колыхаге и что мы славно с вами прокатимся; мало того, говорю вам, что прежде чем вы успеете допить эту бутылку, вы отправитесь со мной в дальний путь.

– Удивительно странно было бы это, сударь! – возразил, саркастически усмехаясь, Билль. – Ведь я здесь вырос, можно сказать, врос в эту почву, как вон те старые дубы, и сам дьявол, думается мне, едва ли сумел бы выманить меня отсюда, до того крепко я пустил здесь корни. Но судя по тому, что я от вас слышу, вы, сударь, презабавный и презанятный господин, и я готов, пожалуй, поспорить на еще одну бутылочку моего доброго вина, что на этот раз вы даром тратите со мной время.

Между тем зрение Билля как будто все больше и больше затуманивалось, но это не мешало ему все время чувствовать на себе упорный, леденящий и вместе с тем испытующий взгляд незнакомца, который одновременно и раздражал, и подавлял его.

– Не думайте, пожалуйста, – вдруг вырвалось у Билля с какой-то лихорадочной запальчивостью, удивившей и встревожившей его самого, – не думайте, что я такой упорный домосед из боязни чего-то неизвестного! Нет, я ничего решительно не боюсь во всем Божьем мире, могу вас уверить! Видит Бог, я достаточно устал жить, и когда придет наконец мой час отправиться в более продолжительное путешествие, чем то, которое вы решили мне навязать, то к нему я буду готов, могу вам поручиться за это!

Незнакомец допил свой стакан и отодвинул его от себя. С минуту он внимательно смотрел на Билля, а затем, облокотясь обеими руками на стол, он трижды фамильярно ударил Билля одним пальцем по руке, немного повыше кисти.

– Ваш час пришел, – сказал он негромко, торжественно и внушительно.

Неприятная дрожь пробежала по всему телу Билля от того места, которого коснулся своим пальцем незнакомец, а звук его голоса, глухой и жуткий, как-то странно отдавался в сердце Билля.

– Прошу извинить меня, сударь, – сказал он, несколько взволнованный и расстроенный, – я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать?

– Хм!.. – промолвил гость. – Посмотрите на меня, и вы убедитесь, что ваше зрение изменяет вам; подымите руку, и вы почувствуете, что она смертельно тяжела. Говорю вам, что это ваша последняя бутылка вина, и это последняя ваша

ночь на этом свете, мастер Билль.

– Разве вы врач? – дрожащим голосом спросил Билль.

– Я лучший из врачей, когда-либо существовавших, – ответил незнакомец. – Я излечиваю разом и дух, и тело одним и тем же средством; я сразу прекращаю все страдания и отпускаю все прегрешения; а в тех случаях, когда моими пациентами являются люди, которым, жизнь не улыбалась, которых постигали постоянные неудачи, везде и во всем встречались затруднения, я для них сглаживаю все и вывожу их победителями из самых запутанных и тяжелых обстоятельств!

– Это, конечно, прекрасно, но, благодарение Богу, я в вашей помощи нисколько не нуждаюсь! – сказал Билль.

– Для каждого человека приходит такое время, мастер Билль, – возразил странный врач, – когда у него из рук берут руль, и когда другой берется за него и правит его ладьей. Потому что вы в течение всей своей жизни всегда были разумны, спокойны и осторожны, эта пора пришла для вас не скоро, много позднее, чем для других; вам дано было довольно много времени подготовиться к этому моменту. Вы теперь видели все, что можно было увидеть близ вашей мельницы; вы всю жизнь просидели здесь, не сходя со своего места, просидели, как крот в своей норе, ну, а теперь довольно! Эта ваша миссия кончена, – добавил страшный посетитель, вставая из-за стола. – Теперь вы должны встать и идти за мной.

– Вы странный господин, – сказал Билль, глядя в упор на своего гостя, – и страшный врач.

– Я не только врач, я закон природы! – возразил собеседник. – Люди называют меня «Смерть».

– Так почему же вы не сказали мне этого сразу?! – воскликнул Билль. – Я ждал вас все эти долгие годы; протяните мне вашу руку, и с Богом в путь!

– Так обопритесь на меня сильнее, – сказала гостья, – Ваши силы уходят. Опирайтесь крепче. Я хотя и стара как мир, но все еще очень сильна, сильнее всех и сильнее всего! Здесь не более трех шагов до моей колымаги, а там окончатся все ваши заботы и печали. Право же, – добавила гостья, и голос ее звучал теперь тепло, сердечно и дружелюбно, – я тосковала по вас, как по родному сыну; из всех людей, за которыми я прихожу и приходила весь свой долгий век, за вами я пришла с наибольшей радостью! Я и зла, и насмешлива, и часто огорчаю людей в первый момент моего приближения к ним, но, в сущности, я для большинства из них добрый друг, особенно же для таких людей, как вы, мастер Билль.

– С тех пор, как Марджери скончалась, – сказал Билль, – Бог свидетель, что вы были для меня единственным другом, которого я ждал и которого я горячо желал увидеть у своих дверей.

И хозяин и гостья пошли вместе, рука об руку, через двор к воротам. Один из слуг проснулся в это время и услышал конский топот у самых ворот, но повернулся на другой бок и тотчас же опять заснул. В эту ночь вдоль всей долины от мельницы вниз слышался мягкий, ласковый шелест, словно

приятный и нежный тихий ветерок несся с гор по направлению к равнине, а наутро, когда все кругом вновь пробудилось к жизни, Билль с мельницы отправился наконец в свое первое и последнее путешествие, в страну, откуда никогда не возвращаются.